

ДОБРОВОЛЬНОСТЬ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ КАК УСЛОВИЕ ЕГО ЛЕГИТИМНОСТИ

В статье исследуется понятие добровольного поведения в уголовном процессе и гарантии его обеспечения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, в том числе на примере института признания вины. Анализируется опыт выявления досудебных соглашений о сотрудничестве, заключенных по принуждению, в судебной практике российских и зарубежных судов. Предлагаются рекомендации усиления гарантий обеспечения добровольности при заключении соглашений.

Ключевые слова: досудебное соглашение о сотрудничестве, добровольность, признание вины, право на защиту, принуждение в уголовном процессе, охрана прав и свобод человека в уголовном судопроизводстве.

Досудебное соглашение о сотрудничестве представляет собой институт, основанный на договорных началах. Несомненно, представить себе абсолютно частноправовой договор в такой публичной сфере, как уголовно-процессуальное право, очень сложно, практически невозможно. Будем исходить из того, что соглашение в уголовном процессе имеет лишь некоторые черты договора в цивилистике. В частности, одной из таких характеристик является добровольность, как прямо отмечает законодатель в ст. 317.6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ), подразумевая добровольность обеих сторон. Сторона обвинения при заключении соглашения полагается на собственный интерес и не обязана во всех случаях удовлетворять ходатайство обвиняемого (подозреваемого) о заключении соглашения. Аналогично добровольным должно быть волеизъявление обвиняемого (подозреваемого), выраженное в поданном ходатайстве. Именно о проявлении добровольного поведения обвиняемого (подозреваемого), нуждающемся в более детальном освещении и в дополнительном обеспечении, пойдет речь в настоящей статье.

Категория «добровольность» весьма широка и берет свое начало не в уголовно-процессуальной науке. Учитывая ее социологическое и даже, скорее, психологическое содержание, законодатель не берет на себя смелости ее адаптировать и истолковывать в области права. В этом и заключается основная сложность понимания добровольного поведения в данном случае — применительно к рассматриваемому институту досудебного соглашения о сотрудничестве.

При определении добровольности необходимо в первую очередь обратиться к этимологии слова «добровольный»: поведение по «доброй воле», то есть по собственному желанию, не по принуждению [1], по «свободе своей» [2, с. 1102]. В целях настоящего исследования не будем углубляться в общефилософские и социальные понятия

* © Климанова О.В., 2015

Климанова Ольга Валериевна (olya-klimanova@rambler.ru), кафедра уголовного права и криминологии, Самарский государственный университет, 443011, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

свободы и доброй воли, а сосредоточимся на их правовом понимании и выражении в действующем законодательстве.

В УПК РФ термин «добровольность» встречается нечасто: добровольными должны быть, по мнению законодателя, разве что заявление о явке с повинной (ст. 142 УПК РФ), выдача определенных предметов до начала проведения обыска (ст. 182 УПК РФ), ходатайство о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства в связи с согласием с предъявленным обвинением (ст. 314 УПК РФ), досудебное соглашение о сотрудничестве (ст. 317.6 УПК РФ). Несомненно, проявлений добровольного поведения в уголовно-процессуальных отношениях гораздо больше. Одним из наиболее ярких примеров этого является, в частности, признание вины обвиняемым или подозреваемым. В отношении данного вида показаний идея добровольности наиболее качественно разработана в теории, в связи с чем именно к ней следует обратиться в попытке определить границы добровольного и принудительного применительно к заключению досудебного соглашения о сотрудничестве.

О добровольности признания вины в литературе сказано достаточно. Так, предложено весьма удачное широкое определение добровольного признания вины: признание, которое сделано обвиняемым в соответствии со своими внутренними побуждениями, согласующимися (или, по крайней мере, не противоречащими) с теми представлениями, которые сформировались у обвиняемого в процессе социализации (воспитания, обучения и т. д.) под воздействием общепризнанных в обществе моральных, этических, эстетических норм [3, с. 38]. Его можно полностью, без изъятий отнести к идее добровольного заключения соглашения о сотрудничестве, связанного обязательно с сознательным и свободным выбором лицом варианта поведения, не противоречащего его интересам.

Вынужденное признание характеризуется несвободой выбора обвиняемого, оно не соответствует, а иногда противоречит его собственным интересам. Такое признание обвиняемый делает под воздействием тех или иных внешних факторов, подавляющих его волю и ограничивающих возможность его выбора только той альтернативой, которая предопределяется воздействующими факторами. Все внешние факторы, влияющие на свободный выбор обвиняемым (подозреваемым) позиции по делу, можно объединить общим понятием принуждения как любого незаконного воздействия на обвиняемого (подозреваемого) третьих лиц, применяемого с целью добиться от него нужных действий, решений, поступков, в том числе признания вины [4, с. 39–40]. Согласившись с этим определением, предложенным С.А. Касаткиной, уделим особое внимание одному важнейшему правовому критерию вынужденности: внешнее воздействие на принятие решения должно быть незаконным.

Человеческое сознание устроено сложным образом, и при принятии любого решения (в том числе и связанного с выработкой позиции обвиняемого по делу) оно подвержено постоянному внешнему воздействию. Если вести речь просто о внешних побуждающих факторах как критериях недобровольности (без учета их незаконности), то даже предшествующее признанию вины или заключению досудебного соглашения о сотрудничестве простое описание перспектив разрешения уголовного дела, длительности предварительного расследования, судебного разбирательства может повлечь вывод о наличии принуждения. Однако эти материи имеют большее отношение к психологии и неприменимы в рамках уголовного процесса. Это связано с тем, что при правовом регулировании критерии принятия решения всегда должны быть четко и однозначно определены. В данном случае признание вины должно быть вызвано противоправным поведением третьих лиц в отношении обвиняемого (подозреваемого). Причем здесь речь идет не только об очевидно незаконном применении

физического насилия, но и об иных нарушениях закона, связанных с несоблюдением гарантий добровольности принятия решения.

При исследовании гарантий добровольности вновь обратимся к примеру, связанному с признанием вины. Склонность к переоценке признания вины у отечественных правоприменителей имеет давнюю историю, поэтому бороться с этой предубежденностью очень сложно: признание по-прежнему очень желанно для органов расследования. А.В. Смирнов в этой связи указывает, что добровольность признания обвиняемым своей виновности или ведущих к ней фактов потенциально находится под угрозой [4, с. 102], что требует подтверждения признания совокупностью иных доказательств по делу. Поэтому особое внимание логично уделить гарантиям добровольности получения такого признания.

К числу таких гарантий относят обязательное участие в допросе обвиняемого защитника. Никакие показания обвиняемого, полученные в отсутствие защитника, даже когда обвиняемый отказался от помощи защитника, не могут рассматриваться в качестве допустимого доказательства, если обвиняемый впоследствии откажется их подтвердить [5, с. 261–262]. Кроме того, еще ряд норм призван гарантировать добровольность признания вины: положение ч. 2 ст. 77 УПК РФ, что признание вины может быть положено в основу обвинения лишь при его подтверждении иными доказательствами, свидетельский иммунитет, а также прочная линейка принципов презумпции невиновности, свободы оценки доказательств, законности, общей охраны прав и свобод человека в уголовном судопроизводстве.

Теперь предпримем попытку адаптировать эти суждения к институту заключения досудебного соглашения о сотрудничестве. Каковы гарантии его добровольности? В первую очередь, аналогично признанию вины, при инициации заключения такого соглашения и его подписании обязательно участие защитника в силу прямого указания закона (ст. 317.1, 317.3 УПК РФ). Кроме того, УПК РФ предполагает обязательное рассмотрение такого дела в особом порядке (при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением), то есть все вышеописанные гарантии добровольности признания вины здесь также актуальны. Добровольность закон прямо называет в качестве одного из условий рассмотрения дела с заключенным соглашением в особом порядке. Однако неясно, какими соображениями при выявлении данного условия следует руководствоваться суду.

Изучение обобщений судебной практики за 2010–2014 годы как Верховного Суда РФ, так и судов субъектов РФ показало, что особых проблем при установлении добровольности заключения соглашения суды не испытывают. Задавая подсудимому единственный вопрос, заключено ли соглашение добровольно, и получив утвердительный ответ, к исследованию добровольности судьи больше не возвращаются.

Тем не менее исключения из данного правила все-таки имеются. Так, отдельное внимание уделил необходимости выяснения добровольности заключения досудебного соглашения о сотрудничестве Пензенский областной суд. В обобщении практики он указал, что соблюдение данного условия крайне важно установить в судебном заседании. При этом следует выяснить у обвиняемого (подсудимого), не оказывалось ли в отношении него психологическое или физическое воздействие со стороны следователя, адвоката или иных лиц в целях побудить воспользоваться правом на заявление ходатайства о рассмотрении дела в особом порядке. Кроме того, добровольность неразрывно связана со способностью лица к осознанию смысла и возможных последствий своих действий. Поэтому у суда не должно быть сомнений во вменяемости лица. В противном случае суд по собственной инициативе должен рассмотреть уголовное дело в общем порядке и решить вопрос о вменяемости [6]. Данные рекомендации, несомненно, необходимо принять в работу; они мотивируют судей не ограничи-

ваться формальным односложным выяснением добровольности заключения соглашения, а делать вывод, исходя из комплексного анализа имеющихся материалов.

Кроме прочего, в судебной практике имеются некоторые прецеденты, подтверждающие недопустимость игнорирования рассматриваемой проблемы. В частности, Верховным Судом Республики Саха (Якутия) выявлены уголовные дела, по которым добровольность заключения досудебного соглашения вызывала сомнение. Так, изучение материалов одного из уголовных дел показало, что обвиняемая в ходе предварительного следствия вину в совершении преступлений не признала. При этом следователь в отсутствие письменного ходатайства обвиняемой о заключении досудебного соглашения 17 октября 2012 года вынес постановление о возбуждении ходатайства о заключении с обвиняемой досудебного соглашения о сотрудничестве, при этом в описательной части постановления указал, что обвиняемая вину не признала. Прокурор удовлетворил ходатайство следователя. 27 октября 2012 года с обвиняемой было заключено досудебное соглашение, согласно которому она берет на себя обязательства «дать подробные показания по существу обвинения по ч. 3 ст. 159 УК РФ, определиться с позицией о признании вины либо о полном непризнании вины до 5 ноября 2012 года, дать показания в отношении ***». 31 октября 2012 года обвиняемая вину признала полностью. Вышеуказанные обстоятельства не помешали суду первой инстанции вынести обвинительный приговор в особом порядке. По справедливому мнению Верховного Суда Республики Саха (Якутия) в данном случае возникают сомнения в добровольном волеизъявлении обвиняемой о заключении соглашения. Убедившись в том, что добровольность ходатайства о досудебном соглашении сомнительна или полностью отсутствует, суд должен был прекратить рассмотрение дела в особом порядке и рассмотреть в общем порядке судебного разбирательства (п. 14 постановления Пленума Верховного суда РФ от 28 июня 2012 года № 16) [7].

Причем подобные случаи носят неединичный характер как по отношению к заключению соглашения о сотрудничестве, так и к другим сокращенным процедурам. В частности, относительно особого порядка судебного разбирательства, предусмотренного главой 40 УПК РФ, весьма удачно изложен и сгруппирован Д.Е. Любушкиным [8, с. 60–66] ряд примеров недобровольного применения данной процедуры: в связи с отсутствием ходатайства обвиняемого; давлением на него защитника, обещавшего обязательное условное осуждение при рассмотрении дела в особом порядке; резкой переменной позиции лица о своей виновности, причины которой не выяснены и не исследованы судом, хотя данное обстоятельство, безусловно, вызывает сомнения в добровольности принятия решения.

Таким образом, проблема добровольности заключения досудебного соглашения о сотрудничестве имеется, однако ей уделено крайне мало внимания как в науке, так и в практической деятельности в отличие от некоторых зарубежных стран, имеющих значительно более длительную историю применения упрощенных производств, связанных с заключением соглашений о сотрудничестве. В частности, в США одним из камней преткновения в отношении практики применения «plea bargaining», аналога российских институтов из глав 40 и 40.1 УПК РФ, является именно добровольность подачи заявления о признании вины и о сотрудничестве со стороной обвинения. Так, на протяжении очень длительного времени границы добровольного были крайне узки. Верховный Суд США указывал, что такое заявление не должно быть вызвано угрозами применения насилия, любыми обещаниями, в том числе касающимися назначения более мягкого наказания, даже упоминанием о том, что при полноценной процедуре судопроизводства наказание будет более суровым (дела «Брем против США» (1897 г.), «Уолкер против США» (1936 г.), «Шелтон против США» (1957 г.) [9, с. 67–76]. По сути, при таком подходе принуждением лица сотрудничать считалось любое

изложение прокурором преимуществ заключения сделки. Но нужды ускорения судебного разрешения дел, экономии финансовых, временных и человеческих ресурсов в системе правосудия потребовали расширения практики заключения сделок, которые серьезно сдерживались позицией Верховного Суда США. И он вынужден был отойти от собственного убеждения в известном решении по делу «Бреди против США» (1970 г.) [9, с. 76–80]. С тех пор желание избежать более сурового наказания считается допустимым побуждающим началом для инициирования сделки с прокурором, а под запретом находятся физическое и психическое принуждение: например, обещания, которые заранее невыполнимы или не относятся к компетенции прокурора, подписывающего соглашение, и являющиеся по сути обманом обвиняемого. Усилением гарантий добровольности послужило решение по делу «Северная Каролина против Альфорда» (1970 г.) [10, с. 29–30], известное появлением еще одной разновидности сделок с обвиняемым: «alford plea» («признаю, но оспариваю»), благодаря которой лицо может и получать привилегии от сотрудничества с прокурором, и оспаривать обвинение, что исключает ситуации давления на обвиняемого с целью признания им вины, необходимого для заключения сделки.

Столь многогранный подход к проблемам добровольности заявления ходатайства о заключении сделки обусловлен одной характерной особенностью американской правовой системы: прокурор, по сути, является «хозяином» обвинения и может варьировать его объем по собственному усмотрению, в том числе отчасти манипулируя обвиняемым, подталкивая его к принятию необходимого решения. В этой связи идея добровольного и принудительного начал здесь приобретает особое значение.

Рассмотренный опыт США хотя и чужд нам в своих основах, однако, несмотря на это, очень полезен и показателен для российской практики реализации норм о соглашении о сотрудничестве. Обратим внимание на последнее высказанное положение о свободе прокурора распоряжаться обвинением, законной для США и серьезно ограниченной в РФ. Не секрет, что следственные органы порой намеренно осуществляют квалификацию преступления «с запасом» на этапе предварительного расследования, чтобы дать суду некоторую свободу в определении правильной, на его взгляд, квалификации с учетом пределов судебного разбирательства (хотя в действующей редакции УПК РФ они практически устранены). И этот инструмент вполне может быть использован с целью принуждения обвиняемого заключить соглашение о сотрудничестве и предоставить определенную информацию. Полагаем, что подобные факты являются одним из ярких примеров недобровольности заключения соглашения (если судом будет выявлено *намеренное* завышение объема обвинения, не соответствующее обнаруженным на тот момент обстоятельствам дела).

В заключение обратимся к природе соглашения о сотрудничестве (скорее идеальной, нежели реальной в настоящее время): это договор, который основан на определенном равенстве сторон (следует оговориться: *должен быть* основан) и не должен допускать обмана или давления одной стороны на другую в целях его заключения. Для того чтобы соглашение было легитимным, необходимо обоюдное свободное волеизъявление стороны обвинения и обвиняемого (подозреваемого).

Таким образом, добровольность — одно из ключевых начал любых договоров, и ее соблюдение должно быть обеспечено выполнением определенных гарантий. Поэтому суды в обязательном порядке при рассмотрении дел с заключенными соглашениями должны обращать особое внимание не только на наличие признаков физического принуждения, но и психического. Любое сомнение в добровольности заключения обвиняемым соглашения должно быть проверено. Такие сомнения могут быть вызваны беспричинной сменой обвиняемым позиции по делу, очевидно завышенным обвинением, наличием в содержании соглашения (или если это следует из пока-

заний подсудимого об устных договоренностях, сопутствующих заключению соглашения) невозможных к выполнению (или незаконных) обязательств стороны обвинения (например, обещания прокурором конкретного наказания, изменения квалификации преступления, отказ от уголовного преследования лица, в действиях которого имеются признаки состава преступления). Игнорирование любого из данных фактов принципиально недопустимо.

Библиографический список

1. Толковый словарь / под ред. С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой. 1949–1992. URL: <http://www.ozhegov.org> (дата обращения: 14.06.2015).
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1: А–З / под. ред. проф. И.А. Бодуэна де Куртенэ. М.: Terra–Книжный клуб, 1998.
3. Касаткина С.А. Признание обвиняемого: монография. М.: Проспект. 135 с.
4. Смирнов А.В. Модели уголовного процесса. СПб.: Наука, ООО «Издательство «Альфа», 2000. 223 с.
5. Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе: учебник для бакалавриата и магистратуры. М.: Юрайт. 359 с.
6. Практика применения судами Пензенской области особого порядка судебного разбирательства уголовных дел от 27.09.2014 г. URL: <http://www.oblsud.penza.ru/article/?id=901> (дата обращения: 12.06.2015).
7. Обобщение по результатам практики рассмотрения судами Республики Саха (Якутия) уголовных дел в порядке главы 40.1 УПК РФ – досудебное соглашение о сотрудничестве за 2013 год. URL: http://vs.jak.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=511 (дата обращения: 12.06.2015).
8. Любишкин Д.Е. Проверка добровольности волеизъявления обвиняемого как условие применения особого порядка судебного разбирательства // Уголовный процесс. 2011. № 5. С. 48–51.
9. Lucian E. Dervan Bargained Justice: Plea Bargaining's Innocence Problem and the Brady Safety-Valve // *Utah Law Review* 51 (2012). С. 51–97.
10. Jenia L. Turner Plea Bargaining across borders: criminal procedure. Wolters Kluwer Law & Business. Aspen Publishes. 2009. 294 с.

References

1. Explanatory dictionary Ed by S.I. Ojegov, N.Yu. Shvedova. 1949–1992. Retrieved from: <http://www.ozhegov.org> (accessed 14.06.2015) [in Russian].
2. Dal' V.I. Explanatory dictionary of living great Russian language: in 4 Vols. Vol. 1: A–Z. Jan Baudouin de Courtenay. M., Terra–Knizhnyi klub, 1998 [in Russian].
3. Kasatkina S.A. Confession: Monograph. M., Prospekt, 135 p. [in Russian].
4. Smirnov A.V. Models of criminal trial. SPb., Nauka, ООО «Izdatel'stvo «Al'fa», 2000, 223 p. [in Russian].
5. Lazareva V.A. Proof in criminal trial: textbook for Bachelor's programme and Master's programme. M., Izdatel'stvo Iurait, 359 p. [in Russian].
6. Practice of application by the Penza Region courts of a special procedure of a criminal trial dated 27.09.2014. Retrieved from: <http://www.oblsud.penza.ru/article/?id=901> (accessed 12.06.2015) [in Russian].
7. Generalization of results of practice of consideration by the Republic of Sakha (Yakutia) courts of criminal cases as Chapter 40.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation – pretrial settlement in 2013. Retrieved from: http://vs.jak.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=511 (accessed 12.06.2015) [in Russian].
8. Lyubishkin D.E. Check of voluntariness of the expression of will accused as a condition of application of a special order of judicial proceedings. *Ugolovnyi protsess* [Criminal trial], 2011, no. 5, pp. 48–51 [in Russian].

9. Lucian E. Dervan Bargained Justice: Plea Bargaining's Innocence Problem and the Brady Safety-Valve. *Utah Law Review*, 51 (2012), pp. 51–97 [in English].

10. Jenia L. Turner Plea Bargaining across borders: criminal procedure. Wolters Kluwer Law & Business. Aspen Publishes, 2009, 294 p. [in English].

*O.V. Klimanova**

VOLUNTARINESS OF CONCLUSION OF PRETRIAL SETTLEMENT AS CONDITION OF ITS LEGITIMACY

The article deals with the concept of voluntary behavior at criminal process and guarantees of its providing at the conclusion of the pretrial settlement, as well using the example of an institute of the confession of guilt. Experience of detection of the pre-trial settlements contracted under coercion in the court practice of Russian and foreign courts is analyzed. Recommendations of strengthening of guarantees of ensuring voluntariness at the conclusion of settlements are suggested.

Key words: pretrial settlement, voluntariness, confession of guilt, right of defense, coercion in criminal trial, protection of rights and freedoms of a person in criminal legal proceedings.

* *Klimanova Olga Valerievna* (olya-klimanova@rambler.ru), Department of Criminal Law and Criminology, Samara State University, 1, Acad. Pavlov Street, Samara, 443011, Russian Federation.